

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мария Литовская (*Екатеринбург*)
Светлана Маслинская (*Санкт-Петербург*)
Анастасия Садриева (*Нижний Тагил*)
Анна Сенькина (*Санкт-Петербург*)
Инна Сергиенко (*Санкт-Петербург*)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ирина Арзамасцева (*Москва*)
Марина Балина (*Bloomington, USA*)
Валентин Головин (*Санкт-Петербург*)
Марина Костюхина (*Санкт-Петербург*)
Сара Панкеньер (*Santa Barbara, USA*)
Михаил Яснов (*Санкт-Петербург*)

ДЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ. Вып. 3

Ответственный за выпуск *Ф. А. Еремеев*
Корректор *В. Деркач*

При оформлении обложки использован фрагмент иллюстрации В. М. Конашевича к книге А. Гайдара «Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» (М.: Молодая гвардия, 1935).

ISSN 2304-5817 (*Detskie chtenia*)
ISBN 978-5-7525-2795-1
ISBN 978-5-7525-2903-0 (вып. 3)

Адрес редакции «Детских чтений»: detchit@theschool.spb.ru
Странички в интернете: <http://detskie-chtenia.ru/>
<http://www.armchair-scientist.ru/detlit/>

Почтовый адрес издательства: «Кабинетный ученый»
Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489
Postal address: Armchair Scientist
Russia, 620014, Ekaterinburg, P.O.Box 489

Тел. в Екатеринбурге: +7 (904) 5461725
Тел. в Москве: +7 (916) 2248119
E-mail: fee1913@gmail.com
Тел. в Москве: +7(926)5200481
E-mail: editor@armchair-scientist.ru

© Авторы статей, 2013
© Издательство «Кабинетный ученый», 2013

Подписано в печать 10.11.2013. Формат 60 x 84 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,5. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ 151

ОТ РЕДАКЦИИ

В исследованиях, посвященных истории советской детской литературы, стало общим местом утверждать, что детская литература становилась проводником официальной советской идеологии и как средство пропаганды непосредственно участвовала в формировании нового советского человека. Пример реализации такого подхода — монография А. В. Фатеева «Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры (1930–1950)», начинающаяся со слов: «Позитивные ценности советского общества в концентрированном виде отражены в детской литературе. Ее назначение — программирование общества будущим посредством формирования идеалов молодежи» [Фатеев 2007, с. 3]. Однако нет ничего специфического в том, что советская детская литература транслирует ценности, разделяемые обществом (и/или экспертным сообществом педагогов и чиновников). Детская литература с момента своего возникновения в XVIII веке призвана донести до ребенка — читателя или слушателя — коллективный взрослый взгляд на мировоззренческие и поведенческие идеалы.

Начиная с XVIII в. функции детской литературы постепенно расширяются, некоторым образом корректируются в конкретной исторической ситуации: в зависимости от доминирующей концепции детства на первый план выходят просветительские/образовательные, воспитательные, агитационные или развлекательные задачи. Превалирование тех или иных функций зависит от того, какая модель детства на тот момент реализуется в обществе. Бывают исторические ситуации, в которых социально-инженерные задачи детской литературы четко манифестируются «руководителями детского чтения», оформляются в виде деклараций. Например, в XVIII — начале XIX века ребенок понимается как «недочеловек», его надо просвещать и воспитывать, а в 1920-е гг. ребенок — равный взрослому участник строительства новой жизни, которого надо агитировать наравне с другими социально-возрастными группами. Заметим в скобках, что советской модели детства нередко ошибочно приписываются те свойства, которые существовали в России задолго

до советской власти. Таким заблуждением является представление о том, что именно в раннесоветскую эпоху распространился взгляд на ребенка как на несовершеннолетнего взрослого: «советские идеологи отказывали детям в самобытности и сложности, рассматривая их как упрощенных взрослых» [Гусарова 2008, с. 84]. Как «упрощенных» взрослых рассматривали детей и в традиционной крестьянской культуре, и в средние века, и в эпоху Просвещения.

Были периоды, точнее, один короткий период — середина 1920-х, когда новая детская литература, в первую очередь адресованная школьникам, в значительной степени отражала политически ангажированные идеи. И применительно только к этому периоду можно говорить о детской литературе как сугубо идеологическом инструменте выращивания нового человека.

Но в то же время, действительно, на протяжении всего советского периода существовали области детской литературы, функциональность которых состояла в транслировании политически корректных догматов: это, прежде всего, школьная учебная книга и агитационно-пропагандистская словесность пионерской организации (пионерские песенники, книги серийных изданий типа «Библиотека юного ленинца», «Беседы у костра», «В помощь пионерработнику» и т. п.) [см., например, о динамике идеологического контента литературы пионерской организации: Леонтьева 2008; Учебный текст 2008 (сборник, посвященный изучению конструирования идеологического содержания советского школьного учебника)]. Да, большинство из этих текстов с ликвидацией пионерской организации утратили актуальность — идеология уязвима: с ее сменой уходят тематические группы текстов (пионерские будни), жанры (пионерская песня, речевки), авторы (В. Осеева, Н. Богданов и др.). Аналогичной была судьба книжек, связанных с иными политизированными детскими организациями (*Aloys Schenzinger "Hitlerjunge Quex", 1933*). Впрочем, и эта идеологизированная часть детской литературы не была однородной; так, многие пионерские песни о дружбе сохраняют свою актуальность не только вследствие ностальгической поддержки их обществом. С другой стороны, так же в свое время ушли из круга чтения нравоучительные повести Л. Ярцовой и В. Бурьянов: устаревание литературы — процесс естественный, не в первую очередь обусловленный крахом идеологической системы.

Принимаясь за описание идеологической системы, транслируемой советской детской литературой, мы оказываемся на очень зыбком поле. С конца 1920-х гг. политические постулаты тесно

срачиваются с традиционными педагогическими установками — в этом симбиозе уже не столь очевидно просматривается именно коммунистическая идеология большевистского извода, многое растет из педагогических концепций дореволюционной школы, из либеральных и народнических представлений о воспитании «нового человека», из утопических религиозных проектов рубежа XIX–XX вв. и т. п. Когда М. Чудакова говорит о советской детской литературе как о «мире полноценной этики», надо учитывать гетерогенность этой этики.

Еще один важный момент, который зачастую игнорируется, — это возрастная адресация детской литературы в советский период. В литературу для малышей («от двух до пяти») идеологические смыслы практически не проникали (исключение составляют немногочисленные авангардные тексты середины 1920-х гг. и отдельные стихотворные произведения С. Михалкова, Е. Благиной, А. Барто и др.). Скажем, те же сказки Чуковского лишены актуального идеологического содержания, за что, кстати, писателя критиковали педагогические чиновники на рубеже 1920–1930-х гг. Попытки привести в цикл Барто «Игрушки» или «Детки в клетке» Маршака специфические советские идеологические ценности приводят к некритичному использованию самого понятия «советское».

В некоторых случаях, когда исследователи вчитывают в советские тексты для детей эзопову антисоветскую позицию [см., например: Кондаков 2010], эти попытки, скорее, свидетельствуют о специфических горизонтах ожидания интерпретатора, нежели о смыслах, имманентно присущих анализируемому тексту. Точно такие рецептивные абберрации можно наблюдать в исследованиях, склонных хулить всю советскую детскую литературу за идеологическую продажность: «На книжных полках детских библиотек в изобилии хранились многочисленные, одинаковые, как солдаты в серых шинелях, скучные повести о прилежных школьниках, о не знающих сомнения пионерах, юных ленинцах» [Мяотс 2002]. Конечно, с высоты сегодняшнего дня, какие-то произведения могут казаться исследователю скучными и серыми, но эти оценки ничего не говорят нам о том, как воспринимались эти тексты читателями-детьми, казались ли они им скучными или, напротив, приводили в восторг (к сожалению, статистически убедительных данных об особенностях непосредственной детской рецепции у нас нет и уже не будет — с 1930-х гг. социологические исследования советского читателя-ребенка были заморожены).

В целом, объяснительная сила детерминированности советских художественных текстов политическим заказом имеет свои границы. Списывая все особенности поэтики текста на тоталитаристский дискурс, филолог отказывает и литературному процессу, и литературному произведению во внутренней эстетической динамике. Тем временем, при некотором филологическом усилии прилежным школьникам и несомневающимся пионерам можно найти литературных предшественников в отечественной дореволюционной литературе, найдутся их «родственники» и в западной литературе XX в.

Другая популярная мысль о детской литературе как островке свободы, убежище в условиях писательской несвободы порождает еще одну иллюзию: «В самые мрачные застойные годы на страницах детских книг утверждалась крамольная идея о важности свободомыслия и личного неповиновения. И эта прививка против страха и лжи делала свое незаметное, но важное дело и в конечном счете явилась залогом будущего освобождения и возрождения» [Мяозтс 2002]. Не останавливаясь на том, что характеристика эпохи застоя как «мрачной» сродни взгляду на определенный отрезок европейской истории как на «темное средневековье», заметим, что свободомыслию учит вообще всякая литература. Преувеличивать роль произведений Э. Успенского и В. Крапивина в формировании перестроечных демократов 1980-х не стоит, ведь дети 1930-х гг. рождения читали правоверного советского Гайдара, но это не мешало многим стать сначала стилистами, а потом диссидентами.

Авторы номера, листая советские детские книжки, пробуют ответить на вопросы, вытекающие из всего выше сказанного. Какие ограничения накладывают жанровые формы на идеологические постулаты: например, как краеведческое письмо встраивается в патриотический государственный дискурс и одновременно в авангардистские проекты легитимизации ребенка-писателя? Каков генезис советских героических моделей поведения, представленных в детской литературе? В каких художественных формах устанавливались границы героического и будничного поведения? Специфичны ли эти формы для советского периода? Как варьируют в отдельные периоды представления о так называемых общечеловеческих ценностях — дружбе, любви, подвиге?

Представленные исследования, на наш взгляд, демонстрируют, что изучение эволюции общественно-педагогических идей, воплощенных в детской литературе, типологии героического, генезиса этических принципов, влияния взрослой литературной традиции

на детскую, позволяет кое-что прояснить в отечественной детской литературе XX в.

С. Маслинская

Примечания

Гусарова К. Хворост в костер мировой революции: пионеры // Неприкосновенный запас. 2008. № 2. С. 69–84.

Кондаков И. В. Ребенок в истории и культуре: Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 4 / под ред. А. С. Обухова, М. В. Тендряковой. М.: Библиотека журнала «Исследователь/Researcher», 2010. С. 70–118.

Леонтьева С. Г. Дети и идеология: пионерский случай // Какорея. Из истории детства в России и других странах / сост. Г. В. Макаревич. Москва; Тверь, 2008. (Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 1). С. 124–138.

Мяозтс О. Астрид Линдгрэн в стране большевиков [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2002. №1(21). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/miae.html>

Фатеев А. В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР. М.: Макс Пресс, 2007.

Учебный текст в советской школе: сб. статей / сост. С. Г. Леонтьева, К. А. Маслинский. СПб.; М.: Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008.